

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ИСТИНЕ

Юрганов Олег

Эту статью я должен был написать, как минимум шесть или семь лет тому назад. Во всяком случае хотя бы после того памятного вечера, когда Мишель Стем Кук (Michelle Stem Cook) докторант кафедры социологии Университета Джона Хопкинса, праздновала в кругу семьи и друзей состоявшуюся защиту своей докторской диссертации.

Тема диссертации касалась судеб миллионов евреев, местом рождения которых был СССР. Уж точно среди них были тысячи, которые оттуда эмигрировали в США и жили в штате Мериленд. Многие поселились в Балтиморе и были мне лично знакомы. Для некоторых я имел честь быть другом или родственником.

Научный труд Мишель – «The Inheritance and Disinheritance of Memory Among Ex-Soviet Jewish Emigres» – отразил драму народа, чей культурный вклад в мировую цивилизацию являлся неоспоримым. На русском языке это означало: «Наследование и лишение наследства памяти в семьях иммигрантов-евреев из бывшего Советского Союза».

Мировой истории известны попытки тотального вытеснения духовного наследия из памяти народов, ставших жертвами многовекового и тотального насилия агрессивного, безжалостного этноса или оказавшихся под властью более продвинутых и амбициозных государств.

Так ряд исследователей считает, что пятьсот лет владычества Османской Империи на территории колонизированной турками Болгарии, даже привели к радикальным сдвигам в генофонде коренного народа – южных славян – болгар. К моменту распада империи завоевателей, избавившись с помощью России от турецкой экспансии, болгары хоть и утратили внешнюю этническую оригинальность, но сумели сберечь свою духовную самобытность и язык.

Широко распространена теория о том, что Британия, Франция, Испания, оказавшись на бесконечных просторах американского континента, населенного народами с примитивной культурой, безжалостно вытесняли их, нисколько не заботясь об уважении духовного наследия многочисленных коренных этносов. Их культурный фонд – наследство, передаваемое из поколения в поколение, язык, религия, мифология, нравы утрачивали питательные соки, исчезая из обыденного жизненного опыта населения, загнанного колонизаторами в резервации.

Более радикальна в этом смысле была почти восьмидесятилетняя программа «строительства коммунизма» с тотальной идеологической ассимиляцией населения СССР к целям и задачам ВКП(б), КПСС, исполнение которых проводилось при систематическом контроле КГБ. От колониальной политики европейских держав в отношении покорённых народов советская система отличалась разве что изощренной

маскировкой, прикрываясь идеями гуманизма и свободолюбия. КПСС опиралась на насилие, оправдываемое глобальными задачами строительства коммунистической цивилизации. У экспансии «коммунистического» типа были такие же «рабочие инструменты», что и у колониализма! Дискредитация духовной памяти этносов и их языков. Намеренное разрушение родовых связей между поколениями по типу – «разделяй и властвуй!». Унижение культурного достоинства этносов. Мотивированное «законами классовой борьбы» физическое уничтожение духовной элиты народов, носителей и хранителей религиозных и эстетических ценностей поколений. Фактическая сегрегация по национальному признаку, приобретающая формы государственного антисемитизма и ксенофобии и т.п.

Оценка реального урона, нанесенного народам, пережившим победу социализма в отдельно взятой стране предмет анализа последствий «коммунистического строительства» продолжавшегося в СССР почти восемь десятков лет. Этим озабочены пока лишь представители гуманитарных наук Запада и США.

Американка Мишель Стем, из Северной Каролины, религиозная протестантка, получившая звание магистра и диплом учителя истории в провинциальном университете – заинтересовалась в конце восьмидесятых годов прошлого века проблемами идеологического насилия КПСС над исторической памятью и культурой советских евреев на фоне громких дебатов в Конгрессе США о принятии поправки Лаутенберга-Спектора. Многолетний и агрессивный государственный антисемитизм в СССР, по оценкам американских политиков был

весьма сходен с горьким, но уже давно преодоленным США опытом сегрегации и апартеида. Конгрессу предстояло предъявить свою политическую волю руководству «Империи зла», которая уже агонизировала, чтобы спасти от утраты еврейским этносом, проживавшим в СССР, национальную и культурную самоидентификацию. Это было главным мотивом поправок к иммиграционному законодательству, предложенных Лаутенбергом-Спектором.

У Мишель Стем интерес к этой проблеме углублялся, приобретая более отчётливые контуры, когда в её родном городе Ралли, в Северной Каролине начала складываться в начале девяностых годов прошлого века крохотная община евреев-иммигрантов из бывшего СССР. Дочь большого и весьма религиозного семейства протестантов – супругов Стемов – Джеймса и Ванни – Мишель не могла оставаться равнодушной к нуждам евреев-беженцев, которым приходилось начинать новую жизнь хоть и в гостеприимной, но незнакомой им стране.

Население родного города Мишель Стем – добропорядочные, религиозные граждане США, натурализованные иммигранты далекого прошлого. Они воспринимали советских евреев-иммигрантов, называемых «русскими», на фоне свежей исторической памяти, хранившей опыт «Холодной войны», Карибского кризиса. Об этом же Мишель рассказывали старшие члены её большой семьи, пережившие страх ядерной угрозы, исходившей от СССР в шестидесятые годы и усвоенный ею университетский курс новейшей истории.

Мишель и сама стала свидетелем последнего из кризисов противостояния двух супердержав, случившегося в 1983 году. Тогда на Гренаду, где СССР планировал

построить крупнейшую военную базу с ракетно-ядерным вооружением, по приказу Президента Рейгана, был высажен большой десант морской пехоты. Конфликт грозил перерасти в ядерное противоборство...

Намерение Мишель получить возможность общаться с советскими евреями-беженцами из иммиграционной общины, подстегнул её интерес к русскому языку, когда она уже завершила учебу в Чапел-Хиллском университете.

После окончания в 1988 году университета, Мишель Стем работала в начальной школе в своем родном Ралли. Разговорные навыки по русскому языку закреплялись в общении с иммигрантами, расширяя информацию о государственном антисемитизме в СССР, который представлялся ей, магистру-историку масштабной гуманитарной проблемой. Мишель предложила свои услуги волонтера в местном отделении Jewish Family Services.

Слушая рассказы иммигрантов «оттуда», она приближалась к осознанию последствий для индивидуальной истории тысяч евреев-беженцев и их потомков спровоцированного политикой КПСС паралича их исторической памяти. Для Мишель Стем становилось совершенно очевидным, что сотни тысяч евреев бежали в Израиль и США с единственной целью – сохранить от разорения и утраты свои национальные духовные ценности, наследие, которое каждый народ передает от поколения к поколению, чтобы сохранить свою национальную и культурную самобытность.

Когда она общалась с живыми представителями гонимого советской властью народа, потерявшего в стране «развитого социализма» комфортное национальное самочувствие, её мироощущение христианки, мировоззрение американского историка ограничивалось эмоциональным восприятием этого феномена. Тем не менее, осмысливая государственный антисемитизм, как исторический факт, как социальную драму народа, Мишель Стем приближалась к пониманию бесчеловечного содержания политической системы, принявшей идеологическую экспансию в основание своей политики. Она ощущала в разговорах с иммигрантами-евреями из бывшего СССР растерянность от вынужденного признания ими огромных пробелов в знании истории, религии, культуры, языка, обыденных традиций, мифологии народа, к которому, они, как им казалось, принадлежали лишь номинально. На этой почве у Мишель Стем складывался мотив начала научного изучения этой проблемы. Как и где можно осуществить задуманное оставалось для нее пока неясным.

Осуществление её научного интереса во многом зависело от воли отца. Весьма религиозный протестант – Джеймс Стем – настаивал на исполнении дочерью «христианского долга» – миссионерской деятельности среди населения беднейших государств Африки с целью разъяснения и внушения там христианских ценностей. После трудных семейных разговоров на эту тему, отец уступил дочери. По-видимому, он понял, что научное изучение тяжелой драмы советских евреев, вынужденных бежать из страны, где они родились, где похоронены их предки, чтобы спасти от гибели себя, свою культуру и религию, своих детей, своё национальное достоинство – дело богоугодное.

Джеймс Стем – ученый агроном, много лет отдавший агротехнике хлопковых культур и сои в Северной Каролине, решил не препятствовать дочери, а миссионерские обязанности Мишель отодвинуть на неопределенное время...

Случилось так, что размышления Мишель, предварявшие её действия в поисках научных институтов, денег и ученых-специалистов, готовых руководить её исследовательскими изысканиями пришлось на время, когда мы с женой и детьми

эмигрировали в США из Белоруссии. Поселившись в Милбруке, я воочию увидел людей, общение с которыми представлялось интересным и поучительным для меня, как социолога. Мне пришлось пережить те же чувства, что и Мишель Стем, с той разницей, что я видел это «там» своими глазами и хорошо знал «механизмы» государственного антисемитизма в СССР...

Все издержки иммиграции не обошли меня и мою семью. Если учесть, что приехал я уже в пожилом возрасте, был сильно надорван психологически и физически от давнишней болезни, тяжких жизненных передряг, то восприятие забот, вставших передо мной и моей семьёй, было крайне напряженным.

Вместе с тем в США меня не оставляла надежда вернуться в науку. Я начал с малого. Попытался накопить фактический материал в общении с евреями-соотечественниками, которые жили со мной в Милбруке. Как социолог, социальный психолог я был готов к пониманию и научной интерпретации их опыта жизни в стране, где обыденная жизнь повсеместно контролировалась. Где атеизм был обязанностью граждан. Где главенствовал только государственный язык. Где культура, основанная на идеологическом официозе надзиралась могущественной цензурой.

При сборе материала меня очень интересовал скрытый потенциал сопротивления евреев насильственной идеологической системе. Я хотел знать, как при естественном страхе насилия за послушание советские евреи продолжали втайне говорить на идиш, читать Тору, следовать древним традициям, передавать своим потомкам родовые ценности.

Взяв диктофон, я заходил в дома Милбрука, где жили мои соотечественники, спрашивал их о прожитой «там» жизни, о потерях в духовной истории их предшествующих поколений, о готовности восстановить семейную память, желании передать своим детям, внукам хоть что-то из запомнившихся фактов жизни бабушек и дедушек и т.п. Мотивы такой работы пока были пассивными: пригодится, как материал к возможной книге, «записок социолога», а может быть и для курса лекций студентам-социологам Хопкинского университета...

К моему интересу большинство собеседников отнеслись доброжелательно, в том числе, жившая неподалеку от меня семья евреев, эмигрировавших из Харькова. Из членов этой семьи кто-то работал в Хопкинском университете, был знаком с некой Мишель Стем, заметил её озабоченность такими же, как и у меня вопросами. Заинтересовался. Узнав, что Мишель говорит по-русски («...не очень, но понять можно») попросил дать ей мой телефон.

Наша встреча произошла сразу после Нового 1992 года. В мой дом вошла высокая, тоненькая, с внимательными глазами и хрупкими чертами лица молоденькая девушка. Она была явно смущена и сразу призналась, что тревожится, сможем ли мы разговаривать, потому что её русский «...пока просто ужасный». Пришлось и мне признаться, что с моим английским мы в равном положении.

И всё же при первой встрече мне удалось многое понять. Будучи по образованию историком, Мишель Стем понимала, что надежды на документальные источники добычи истины, могущие раскрыть ей грани интересовавшей её проблемы, скорее всего она не получит. Советская политическая система не хранила документальных свидетельств антисемитской практики в масштабе государства. Архивы КГБ оставались недоступными. Единственной надеждой добыть из пласта новейшей истории драматическую правду о духовных утратах советских евреев, живших в условиях

государственного антисемитизма в СССР были иммигранты, приехавшие в США. Они – живые свидетели горького опыта, который был щедро полит кровью евреев-солдат Отечественной Войны, слезами по утрате родных и близких, сгинувших в ГУЛАГе, дискредитации их национальных чувств и достоинства.

Из нашего разговора я понял, что у Мишель нет навыков социологического научного мышления. Она работала в группе Эндрю Черлина, профессора департамента социологии Хопкинского университета, осуществлявшего по заказу правительства штата Мериленд, проект изучения социально-экономической адаптации иммигрантов из бывшего СССР, осевших в различных городах и посёлках Графства Балтимор. Знание русского языка, хотя и явно недостаточное, помогло Мишель обратить на себя внимание и профессора Мела Кона, тогдашнего главы департамента социологии Хопкинского университета.

В положении, в каком оказалась Мишель Стем, мало было желания приступить к анализу той области социальной истории, которая её интересовала. Надо было овладеть научным инструментарием, с помощью которого следовало добыть научную истину, столь вожденную для каждого учёного.

Ситуация для неё складывалась непростая. Мишель понимала, что необходимо окончить факультет социологии Хопкинского университета. Однако за учёбу надо платить! Семья была бессильна помочь ей в этом. Готовились получить высшее образование братья и сёстры её большой родительской семьи. Выбор оставался один: работать, чтобы самой оплачивать расходы за учёбу.

В Мериленде к тому времени уже осело несколько тысяч иммигрантов из бывшего СССР. Как я упоминал, правительство штата профинансировало заказ Сошиал Секьюрити Администрейшен на исследование проблем экономической независимости беженцев из бывшего СССР. Профессор департамента социологии Хопкинского университета – Эндрю Дж. Черлин создал в самом начале девяностых годов рабочую группу, в которой требовались и люди, знавшие русский язык.

Узнав об этом проекте, Мишель навела справки, и оказалось, что со своим знанием русского, пусть явно слабым, она все-таки может быть востребована в этой работе. Познакомившись с Эндрю Черлиным, Мишель Стем рассказала ему о своих интересах, и он познакомил её с профессором М.Коном. Удача оказалась более щедрой, чем ожидала Мишель. Проект финансировавшийся правительством штата, предусматривал гранты на оплату не только прикладных исследований, но и академического обеспечения тех непрофильных специалистов, которые привлекались к работе. Мишель Стем, с согласия М.Кона, получила возможность прослушать университетский курс социологии.

Зная статистику, Мишель Стем оказалась весьма кстати при обработке огромного материала, собираемого сотрудниками профессоров А.Черлина и М.Кона. Её работа была столь квалифицированной и безупречной, что оба профессора не могли нарадоваться. М.Кон пишет, вспоминая это: «...Мишель написала аналитическую записку такого высокого качества, что я пригласил её стать моим научным сотрудником”.

Нагрузка у Мишель Стем была просто непомерной. При ещё нечастых наших встречах это было видно по её исхудавшему лицу, следами тяжёлой усталости на нём. Между тем, профессор М.Кон настаивал на работе его ассистентом, но Мишель пришлось от предложения отказаться. «Я сижу за компьютером по 15 часов, обрабатывая статистические материалы”, – с беспомощным смущением признавалась она

профессору. Главные её цели, ради которых Мишель Стем пришла в Хопкинский университет и завершала курс социологии, работая в группе А.Черлина, пока выглядели туманно. Она попала между Сциллой оплачиваемых обязательств в рабочей группе профессора и Харибдой необходимости оснастить свои научные амбиции навыками и знаниями социолога-исследователя.

Прагматичный Эндрю Черлин предлагал остановиться на теме, отражавшей предмет исследования, оплаченного правительством штата. Не желая отрываться от интересовавшей её проблемы, М.Стем отказалась. Тогда же, с помощью переводчика, по счастью оказавшегося в моём доме, у меня состоялся с Мишель трудный разговор.

На то время мне удалось ознакомиться с множеством публикаций на русском и английском языках по проблемам антисемитизма в СССР. Статьи, монографии были полны спекуляциями и выглядели, как идеологическая публицистика, а не добротный научный анализ. К тому же в США появились русскоязычные социологи, выходцы из СССР, владевшие английским, желающие приобрести научную степень по «горячим следам». Появление Мишель Стем в ряду этих «охотников за научными званиями», вовсе не показалось мне тогда явлением случайным. К сожалению и в науке конъюнктура дело обыденное! Я не скрывал своего скепсиса по поводу перспектив для её научных амбиций, и согласился с предложением Эндрю Черлина, адресованного Мишель. При её содействии, я заочно познакомился с профессором, который предложил мне принять участие в его проекте с условием, что я буду консультировать Мишель, когда она наконец, определится с темой докторской диссертации. Я согласился с его условиями.

Прошел год, а тема диссертации так и не была определена и утверждена. 1995 год. Я пережил две тяжелейшие ортопедические операции. Проходил труднейшую реабилитацию. Множество вариантов тем, которые предлагала Мишель были на кафедре социологии Хопкинского университета отклонены из-за недостаточной научной мотивации. Я не понимал упорства Мишель, видя, как растеряна девушка собственной несостоятельностью в осознании проблемы, привлекавшей её внимание. Мне казалось, что ей по силам те проблемы, над которыми она трудится, как сотрудник рабочей группы А.Черлина. Сил на «дипломатию» с Мишель Стем у меня просто не было. «Не думаю, что вам следует браться за тему, суть которой вы не представляете. Почему бы не написать историко-социальное исследование о судьбе огромной афроамериканской общины, историческая память которой безжалостно выкорчевана! Или индейской. Не потребуются знание языка. Или сделайте предметом научных изысканий социально-экономический феномен – эффективную экономическую независимость, которую обретают евреи-беженцы из СССР в США. То, что вы учитесь социологии хорошо, но даст ли это вам уверенность в научном анализе такого явления, как государственный антисемитизм в СССР?» Моя собеседница, с присущей вежливостью поблагодарила меня, кивнула и ушла. Я не видел её почти два года.

Усилия вернуться в науку я продолжал. Учил язык, стал членом Американской Социологической Ассоциации, сделал короткую публикацию в социологическом журнале, готовил спецкурс для предъявления на кафедру социологии Хопкинского Университета, готовил научный коллоквиум по проблеме интеллектуальной реабилитации в США русскоязычных ученых-евреев, приехавших из бывшего СССР. Вскоре мой спецкурс был завершён. От моих первоначальных планов он отличался. Я готов был отдать Мишель все собранные мной за два года материалы. Резюме спецкурса переводился на английский язык, и предстояли переговоры с руководством департамента социологии Хопкинского Университета.

Неожиданно мне позвонила Мишель и мы встретились, как старые друзья. Меня приятно поразило её значительно улучшившийся разговорный русский. Оказывается ей

очень помогла Майя Мэй. Эту женщину я знал. В моём диктофоне хранилось большое интервью с ней. Его текст я отдал Мишель.

Владея английским, Майя сильно продвинула в разговорном русском, и в грамматике Мишель. Из её рассказа я понял, какой тяжкий груз пришлось ей нести эти два года на своих плечах. Она завершила курс социологии и успешно сдала экзамен профессору М. Кону. Как вольнослушатель прошла курс этнографии. И всё это пришлось делать, преподавая в Хопкинском университете статистику, чтобы зарабатывать на жизнь. Правда, пришлось сильно сократить участие в проекте Эндрю Черлина. Не скрою, меня поражало завидное упорство этой хрупкой женщины, её бесстрашное желание во чтобы то ни стало исследовать русскоязычную общину иммигрантов-евреев из бывшего СССР в контексте тех позорных по её мнению издевательств советской политической системы над духовным достоинством и национальными ценностями народа, к которому эта американка испытывала нескрываемые симпатии.

Наши встречи стали частыми. Передав Мишель все мои наработки, собранные за два года в Милбруке, я приступил к роли научного консультанта её диссертации, тема которой была, наконец-то, определена и утверждена. Однажды М.Стем привезла меня на кафедру социологии, чтобы встретиться с профессорами М.Коном и А.Черлиным. У них возникло желание ознакомиться с моим спецкурсом, о котором я рассказал Мишель, а она, в свою очередь, изложила им краткое резюме. Мне не повезло. Встреча не состоялась. Оба профессора срочно уехали по неотложным делам, оставив для разговора со мной профессора Инь Ю. Мишель была переводчиком и после часа переговоров все мы остались довольными. Мне было уже официально предложено консультировать диссертацию Мишель Стем и проект по изучению процессов экономической адаптации русскоязычных иммигрантов. Был решен вопрос и с оплатой. Мне временно присваивался статус «приглашенного профессора», а что касается моего спецкурса, Инь Ю. обещала представить М. Кону его краткую аннотацию на английском языке.

Я был очень признателен Мишель за поддержку. Стыдился своей резкости в недавнем прошлом. Между тем, как бы ни были искренни мои попытки выстроить наши отношения, я не мог не заметить реальные сложности в нашем общении, которые мне не удалось ни предвидеть, ни избежать.

Я был атеистом, она – глубоко верующим человеком. В своё время я был членом КПСС о чём открыто писал во всех иммиграционных документах. Общение с Мишель, как я полагал, следовало строить на полной взаимной открытости. Два года назад разговора между нами о моём атеизме и членстве в компартии не было. Как-то Мишель спросила меня: верю ли я в Бога и был ли «там» в партии? Ответил, что я – атеист и в КПСС был.

Моя откровенность вызвала у американки замешательство. Я заметил, «Если вам придется спрашивать у иммигрантов-ветеранов войны из бывшего СССР были ли они атеистами и состояли ли в КПСС среди них будет не мало тех, кто вам ответят, как и я». Она промолчала. После памятного разговора в нашем общении некоторое время был «холодок».

По-видимому, Мишель уже вплотную приблизилась к пониманию темы, ставшей основой её диссертации. Между тем, научная проблема долго оставалась для неё скорее объектом острого нравственного сопереживания людям, судьба которых была ей не безразлична, чем предметом научного анализа. Вера в Бога, религия для Мишель была неоспоримой ценностью, наследуемой новыми поколениями семейных общин. Отказ от веры, от Бога – святотатство! Думаю, что её крайне смущала моя некая нравственная «неполноценность», как атеиста, включая, конечно и моё хоть и в

прошлом, но реальное членство в партии, олицетворявшей в её представлении колоссальный масштаб зла, который КПСС принесла людям.

Через год, когда началась непосредственная работа Мишель Стем с членами нашей русскоязычной общины, особенно с ветеранами Второй Мировой войны, моральный ригоризм – строгость, непреклонность, суровость нравственных установок этой молодой американки, убежденной протестантки – значительно смягчился. Как мне кажется, он трансформировался в душе Мишель Стем из сочувствия к таким людям, как мы, иммигранты «оттуда», в понимание разрушительных последствий, который каждый из нас понёс, в «прошлой жизни». Мы были беженцами из безбожной страны. Жертвами партии убийц КПСС, коммунистическая идеология которой долгие десятилетия была удобной маскировкой бесчеловечных намерений, остановленных наконец-то усилиями оплота демократии – её могучей страной.

Хоть и с перерывами, мы общались, а точнее сотрудничали с Мишель Стем с 1993 по 2000 год. Почти семь лет предо мной предстала незаурядная и в то же время весьма противоречивая и далеко неоднозначная личность. Красивая, хрупкая, нежная молодая женщина, она обнаруживала силу, твёрдость, упорство и... неожиданно долгую беспомощность. Честная, прямая, морально крайне щепетильная, она, вдруг, соглашалась на сомнительные компромиссы. Никаких особых переживаний это во мне не вызвало. Каждому из нас присущи те или иные слабости. По праву старшего, я указывал на неприемлемость уловок в научной работе, разумеется, случайных и вовсе не опасных для её репутации!

Поясню. Много сил уходило у Мишель на описание научных понятий, которыми она должна была руководствоваться в диссертации. «Коллектив», «Коллективная память», «Утрата коллективной памяти», «Ценности» и т.п. Советская социология, в отличие от американской, была крайне идеологизированной и политизированной. Вместе с тем, научные понятия, которыми должна была руководствоваться Мишель, изучавшая проблему утраты этнической, религиозной, семейно-родовой памяти советскими евреями, бывшими гражданами СССР, попавшими под пресс коммунистической идеологии, требовалось осмысливать в контексте той системы, которая разуму Мишель Стем была недоступна в полной мере, но в которой жили наши иммигранты-евреи и прежде всего ветераны войны. Я ознакомил Мишель с обширными комментариями к этим ключевым понятиям, сделанными мною.

Через полгода, читая первые варианты диссертации, я обнаружил свои комментарии без каких-либо ссылок. Хоть и с юмором, но состоялся «педагогический» разбор факта. Надо отдать Мишель должное. Прелестно зардевшись, она извинилась и мы нашли компромисс: она откажется использовать мой дословный текст, если уж не хочет на меня ссылаться, а обратится к русскоязычным источникам, которые самостоятельно проработает. Однажды, возвращаясь к этому случаю, Мишель сказала мне: «Олег, я благодарна вам за урок научной добросовестности... Не знаю, как у меня тогда получилось, но для меня такой урок был полезным».

Работа Мишель с нашими иммигрантами шла под доброжелательной опекой Лили Троссман. «Чем она подкупала, – вспоминает Лиля, – так это искренностью, непосредственностью, умением слушать (в её молодом возрасте – это особый дар, как я считаю). Постоянным желанием сделать что-нибудь хорошее, приятное, пусть в мелочи, но это вызывало улыбку и давало толчок к хорошему настроению. Она вообще была вся соткана из солнечных лучей в то время. Было ощущение нехватки времени, не хотелось расставаться... Мы всегда тепло прощались и с радостью встречались. Я помогала Мишель в организации встреч с нашими иммигрантами, собеседования с которыми входило в круг задач её диссертации. С обеих сторон была взаимная симпатия всегда».

Мишель очень сочувствовала мне, когда, будучи сбитым машиной, пережив две сложнейшие операции, я потерял все шансы вернуться в науку. Мы долго говорили с ней об этом. Тогда она осталась верной себе: «Бог не уберег вас, потому, что вы его потеряли». Кто знает, может быть эта фраза, глубоко запав в мою душу, натолкнула меня на верный шаг. Спустя два года я вернулся к вере моих предков. Узнав об этом, Мишель была в полном восторге! Уже защитив диссертацию, ища работу, она приехала ко мне и нежно обняв, сказала: «Вы удивительно сильный человек и... очень честный! Я понимаю. Как непросто вам было принять такое решение». Тогда же она со слезами призналась, что её девятнадцатилетняя сестра-протестантка, отправившаяся в Зимбабве – Африку- с религиозной миссией, погибла...

Я намеренно опускаю подробности содержания диссертации Мишель Стем. Главное случилось! Она сделала всё от неё зависящее, чтобы научно осмыслить явление, загрязнившее духовные недра современной цивилизации – государственный антисемитизм Советов, вставший в один ряд с жуткими погромами эпохи Царизма в России и Холокостом эпохи немецкого фашизма.

Можно по-разному оценивать трагическую смерть Мишель, ставшей после замужества – Стем-Кук. Что-то случилось такое, что от самоубийства её не отвратило даже такое прелестное существо, как её малолетняя дочь. Предположение лишь одно. Не прошли даром для её психики семь лет напряженного труда над диссертацией, которая отняла у Мишель Стем Кук все силы. Но, как мне кажется, самыми мучительными были три года всепоглощающих сомнений – имеет ли она право «замахиваться» на такую тяжелейшую проблему, без соответствующей подготовки и без объема знаний, которые невероятно тяжело накопить слёту, посещая множество семинаров и лекций, «проглатывая» горы книг, по научным дисциплинам, без которых невозможно понять логику проблемы, пленившей её разум.

Завоеванным в тяжких трудах счастьем Мишель не успела насладиться. Надорвавшись, её психика не выдержала... Не помню кто, но однажды сказал очень дерзкую мысль: «Счастье – это движение по дороге, которая часто и неожиданно обрывается в пропасть». Было счастье обретения мечты стать учёным, дав заслуженную пощёчину Советской системе. Состоялось счастье любви, супружества. Стало счастливой реальностью материнство. Но движение Мишель Стем-Кук по дороге счастливой жизни неожиданно оборвалось... Как не вспомнить известную фразу из Библии: «Неисповедимы пути твои, Господи...».